

Е. В. Зброжек

ВИКТОРИАНСТВО В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В последние годы в исторической науке и культурологии, равно как и в антропологии возрос интерес к проблемам повседневности, стали появляться исследования по проблемам бытовой культуры, которая выражает устойчивую типологическую определенность конкретной исторической эпохи. История каждого этноса формировала уникальное культурное пространство и образ жизни, воплощавшие базовые представления эпохи о миропорядке, вечности, жизни и смерти. Изучение повседневности, воплощенной в формах организации окружающего пространства, в создании идеальных канонов обыденного поведения человека, его внешнего вида, вводит эти явления в проблемное поле современной науки. В исследовании повседневной культуры западной науке принадлежит безусловный приоритет. Прежде всего, следует отметить работы представителей школы «Анналов», особенно Ф. Броделя, а из более поздних авторов следует назвать М. Шадсона и Ч. Мукарджи с их анализом исследований по культуре повседневности, или, как они его называют, «новым взглядом на поп-культуру». Ф. Бродель для заглавия первого тома своего фундаментального исследования материальной культуры выбирает термин «структуры повседневности». Не следуя буквально трактовке этого термина с позиций Ф. Броделя, возможно использовать его для культурологического исследования мира повседневности Викторианской эпохи. Структуры повседневности представляют собой способы, выработанные культурой, которые структурируют, оформляют, формируют повседневную жизнь людей, выявляя заключенные в ней культурные смыслы, концентрируя и воплощая духовно-ценностное начало. Анализ своеобразия викторианской культуры через категории повседневности (образ жизни, телесность, чистота, урбанизм, потребление, производство традиций), категории «высокое» и «низкое» в культуре (согласно концепции М. М. Бахтина) представляет собой способ соединения ценностной вертикали и ценностной горизонтали культуры этой эпохи.

Статья посвящена культуре повседневности эпохи викторианства. Выбор эпохи обусловлен рядом моментов. В английской истории девятнадцатый век почти полностью совпадает с Викторианской эрой, которая оказала большое влияние на становление англо-американского мира. Этим объясняется большой интерес к викторианству как политическому, экономическому, общественному явлению в трудах многих западных ученых. Такие понятия, как Викторианская эпоха, викторианские ценности, викторианский стиль, наполненные конкретным историко-культурным содержанием, постоянно всплывают в психологии, искусствоведении, политике. К примеру, во время правления

М. Тэтчер провозглашается возврат к викторианским ценностям. Но гораздо чаще последние противопоставляются миру современной культуры, что связано, на наш взгляд, с новыми («инновационными») тенденциями развития XXI в. Не случайно и наиболее часто встречающееся противопоставление викторианского стиля как строго регламентированной бытовой культуры XIX в. современному образу жизни и ценностям повседневной культуры, в особенности в англоязычных странах. Последнее объясняется прежде всего исследовательским интересом современной культурологии к феномену повседневной культуры, а также тенденцией ускоряющихся трансформаций ценностей повседневной культуры современности. Незыблемость же ценностей повседневной жизни была одной из важнейших психологических установок эпохи викторианства.

Викторианская культура, безусловно, сложнее и многообразнее тех стереотипных представлений о ней, которые возникли на рубеже XIX—XX вв., после кризиса ее системы ценностей. На протяжении всего XX в. неоднократно происходила переоценка этих ценностей, когда резкая критика викторианства и его ценностных устоев заменялась призывами к возвращению этих ценностей. В частности, одни авторы (Е. Коломейчук, Д. Рейфилд, В. Пантин), обращаясь к эпохе тэтчеризма в современной политической истории Великобритании, подчеркивают в ее программе именно возврат к викторианским ценностям, другие (В. В. Ивашева, Р. Уильямс, Ф. Тойнби, Л. Романчук) на основе анализа художественных произведений этой культурной эпохи отмечают сходство 1860-х и 1960-х гг., сравнивая литературу викторианства с английской литературой 50—70-х годов XX в. Третьи отмечают, что при анализе лингвокультурных характеристик современного английского рекламного дискурса выявляется обращение к нормам и ценностям викторианского образа жизни вследствие их значимости для многих жителей современной Великобритании [см.: Кочетова, 1999].

Викторианство нельзя назвать уникальным явлением, принадлежащим только Британской империи XIX в. Существует весьма распространенное мнение о схожести британского общества Викторианской эпохи с жизненными установками современных американцев. Ряд авторов считает, что многие социокультурные традиции викторианской культуры приобрели сходные формы в американском обществе XIX—XX вв. Так, например, американский исследователь С. Минц в своей статье, посвященной значительным изменениям в частной, повседневной жизни американцев, отмечает, что «приблизительно 150 лет назад произошел фундаментальный сдвиг. Частная жизнь стала ключом к пониманию человеческого счастья. Однако многие из проблем современного общества обусловлены слишком смелыми надеждами на частную жизнь, которая не способна их выполнить» [Meantz, 2001].

Возможно также обнаружить сходство некоторых отдельных черт Викторианской эпохи с культурной ситуацией России наших дней. Этому немало способствует процесс трансформации социальной структуры российского об-

щества (в частности, становление среднего класса), который неизбежно влечет за собой смену ценностных ориентаций, норм поведения, культурных предпочтений, самого образа жизни. Одновременно с этим в условиях чрезвычайной подвижности социальных процессов возникает острая потребность в устойчивых традициях. Социологи выделяют как один из возможных вариантов принятие западной системы ценностей [Пантин, Лапкин, 2001], многие существенные элементы которой были сформированы британским обществом XIX в. и господствующим в нем средним классом. Это говорит о возрастающем интересе к данной эпохе, при том что целостного культурологического исследования ее пока нет в нашей стране. Это может быть объяснено, вероятно, следующими обстоятельствами: по идеологическим причинам долгое время господствовала негативная оценка (от замалчивания до резкой критики) как викторианского образа жизни, так и ценностей викторианства. Отсутствие в нашей стране вещественных источников, артефактов (предметов быта, одежды, строений и т. д.), относящихся непосредственно к Викторианской эпохе, также создавало определенные трудности в изучении ее повседневной, бытовой культуры.

Следует отметить, что на протяжении последних десятилетий интерес к викторианству существовал лишь в литературоведении и социально-исторических науках. В настоящее время в нашей стране существует два крупных центра изучения викторианской литературы и культуры — Русский Дом Диккенса при Тамбовском госуниверситете и Викторианский центр в Перми. Однако необходимо рассмотреть викторианство как сложный и парадоксальный феномен в истории западной культуры Нового времени. Его специфику определяет викторианская система ценностей в двух ее измерениях — ценностях бытия и ценностях быта, проявляющихся в национальном менталитете, образе жизни, стиле эпохи.

Проблема исследования ценностей повседневной культуры викторианства связана с анализом сущности и особенностей становления ценностных ориентаций и норм поведения среднего класса Великобритании XIX в. Однако оперировать понятием «средний класс» отнюдь не просто. Трудности, с которыми сталкиваются западно-европейские и американские социологи, применяя его, связаны с использованием разных понятий в отношении конкретного социума: «буржуазия», «мелкая буржуазия» или «средний класс». Это связано, по нашему мнению, с отсутствием единого критерия в определении понятия «средний класс». К примеру, Р. Льюис и А. Мод считают, что при отнесении кого-либо к английскому среднему классу надо учитывать и доход, и профессию, и манеру речи, и способы тратить деньги, и развлечения, и одежду, и образование, и нравственные установки, и личную культуру, причем в общественный класс входят не индивидуально, а семьями [The English middle classes, 1950].

Формирование среднего класса в индустриальном обществе было напрямую связано с величайшей в истории Англии миграцией населения из деревень в города: если в середине XIX в. в городах и сельской местности британ-

цев проживало примерно поровну, то к началу XX в. доля городского населения составила 80 % населения. Исследователи эпохи викторианства так и не договорились относительно названия для значительных метаморфоз, которые претерпело английское общество в эпоху царствования королевы Виктории. Однако большинство из них признает, что одним из наиболее важных процессов следует считать процесс урбанизации, который произвел глубочайшие перемены в образе жизни, нормах поведения и мировосприятии британцев XIX в. Произошло качественное изменение британского общества: оно превратилось в первое индустриализованное и урбанизированное общество современного типа. На первый план вышли новые социальные группы — средние классы, которые и являются «подлинными викторианцами», при этом страна сумела избежать революционных событий континента. Изменение традиционного образа жизни, а также создание многих новых обычаев и ритуалов, которые регулировали практически все важные обстоятельства жизни викторианцев, оказались и подлинным переворотом в области повседневной культуры.

Эпоха викторианства — это доминирование городского образа жизни. Городское пространство, созданное волей и желанием человека, по-новому формирует саму технологию человеческого общения, его образ жизни, его ценностный мир по сравнению с патриархальной, сельской культурой. В эту эпоху образ джентльмена подвергается существенной трансформации — он перестает отождествляться с земельным дворянством (*landed gentry*), представляя отныне горожанина среднего класса. Если в сельской культуре человек наследовал образ жизни, стереотипы поведения, то в городе ему приходится заново изучать и создавать новую манеру поведения, чтобы добиться успеха.

Социальной мобильности и быстрым изменениям образа жизни во многом способствовали железные дороги, действующие в Англии с 1825 г.: люди могли позволить себе жить в одном городе, а работать в другом. Лондон, который стал самым большим городом мира, предлагал рабочие места представителям новых массовых профессий — инженерам, бухгалтерам, архитекторам, юристам, которые, в свою очередь, образовали рынок потребителей для новых универсальных магазинов и клиентуру новых ресторанов. Недорогие железнодорожные путешествия также сделали лондонские магазины более доступными для всех, а это означало широкое распространение городской моды, норм единообразия и благопристойности во внешнем облике викторианцев: они, как правило, носили костюмы темных тонов, что напрямую было связано с городским образом жизни.

Тот факт, что вскоре по движению поездов начали проверять часы, отражает еще одно изменение в повседневной культуре того времени: в ее основе были положены методичный расчет и точность. Общеизвестную ценность точности в жизни англичан XIX в. можно проследить в научных исследованиях (особенно в физике) и в банковских расчетах; в повсед-

невной жизни англичан викторианского периода повсюду сопровождали детальные инструкции, подчеркивавшие, насколько важно быть точным [Schaffer, 1995].

Помимо точности, город как средоточие деловой жизни требовал от викторианцев сдержанности и быстроты решений. Но индивидуализм и принцип дистанции в общении, скорость и многообразие контактов не удовлетворяли потребности в общении в полной мере в силу своей поверхностности. Поэтому в городской жизни появляется всеобщее стремление к созданию небольших групп и сообществ, в которые мобильный индивид, движущийся по городу в поисках выгодных сделок, входил в зависимости от своих частных интересов. Он нуждался в новой информации, в коллективном обсуждении новостей экономической, политической, литературной жизни, в выработке общей оценки происходящего. Это способствовало появлению театров и клубов, организации выставок и галерей, концертов как новых мест для респектабельного отдыха представителей среднего класса. Эти тенденции отмечает в своей книге «Философская антропология» Б. В. Марков [1997]. Об этом же пишет и К. Дункан в статье о процессе создания Национальной галереи в Лондоне XIX в. Конечной целью общения было создание нового респектабельного пространства коммуникации для представителей средних классов [см.: Duncan, 1999].

Городские улицы считались неподходящим местом для встреч, споров, свиданий или прогулок, попытка вступить в разговор с незнакомым человеком на улице казалась викторианцам неуместной и даже антиобщественной. Улицы существовали лишь для того, чтобы без помех добраться из одного места в другое, в то время как городские парки стали еще одним местом общения, где вполне допустимо было сбросить маску отчужденности и вести себя более непринужденно.

Существенно изменилось отношение к природе: более всего стал цениться «прекрасный вид», повышающий стоимость загородного дома. Жизнь за городом — идеал викторианца, не достигаемый для бедноты. Образ жизни старой земельной аристократии как привилегия избранной касты оставался в викторианской Англии непререкаемым идеалом, однако призывы возвратиться к «традиционному образу жизни» носили коммерческий характер и стали викторианскими городскими мифами о сельской Англии. Выработанная веками и доведенная до совершенства традиция проживания в условиях сельской местности — не только сам образ жизни, но и подсознательная философия ее обитателей — была практически уничтожена. Тем не менее торжество динамизма вызывало тоску по этим социальным устоям, что привело к огромной роли традиции, несмотря на многочисленные перемены этой эпохи. Это обстоятельство стало причиной ряда социокультурных особенностей, характеризующих викторианство.

С одной стороны, это торжество технического динамизма, значительная социальная мобильность приводят к страстному желанию многих вик-

торианцев сохранить устойчивость в обладании вещами, сохраняющими свою ценность. Следовательно, можно говорить о том, что одна из парадоксальных особенностей викторианской культуры состоит в том, что в эту эпоху, которая вошла в историю культуры благодаря очень устойчивой и своеобразной системе духовных и нравственных ценностей огромное значение придавалось материальным ценностям, обладанию вещами. Однако можно обнаружить внутреннюю взаимосвязанность ценностей бытия и ценностей быта как двух измерений культуры: ее обуславливает то обстоятельство, что в то время модернизация общества начинает приобретать качественно необратимый характер, затрагивающий наиболее фундаментальные устои жизни. Помимо утилитарно-функционального смысла вещи, который также обладает культурным измерением, сразу возникает и эмоционально-личностный аспект. В Викторианскую эпоху, как ни в какую другую, вещи становятся предметами особой привязанности и атрибутами личности, воплощениями переживаний, эмоций, памятных ассоциаций.

Этот инстинкт собирательства стал одной из доминант существования многих викторианцев среднего класса. Королева Виктория разделяла взгляды буржуазии и в отношении предметов быта, свидетельства тому можно найти в ее биографиях (в частности, написанных Л. Стрэчи, Э. Энтони). Она обладала не только громадным состоянием, но и неисчислимыми предметами обихода: она унаследовала невероятное количество мебели, фарфора, разного рода безделушек, которые считались «настоящими» ценностями, и эти запасы изрядно пополнялись за счет покупок, сделанных ею за долгую жизнь. К тому же со всех частей света нескончаемым потоком шли подарки. «За всей этой невероятной массой вещей она постоянно и пристально следила, причем изучение и сортировка этих предметов доставляли ей глубокое внутреннее удовлетворение. Инстинкт собирательства коренится в самой человеческой природе. В случае с Викторией он был обязан своей силой двум доминирующим мотивам — всегда присущему ей ощущению собственной личности и страстному стремлению к возведению прочных барьеров против времени и перемен, которое с годами росло и в старости стало почти одержимостью» [Стрэчи, 1999, 329].

Институту собственности в эпоху викторианства придавалось настолько большое значение, что его считали одним из неперемennых условий культурной эволюции. Такие элементы культуры, как ценности, установки, обычаи, правила владения и наследования собственности, рассматривались в качестве высшей степени развитости социальной организации. Так, один из основателей культурной антропологии Л. Морган в 1871 г. подчеркивал: «Трудно переоценить влияние собственности на цивилизацию человечества. Она была и остается свидетельством его прогресса. Высшая страсть цивилизованного разума — это ее приобретение и наслаждение ею. В самом деле, правительство, институты, законы порождают множество

агентов, предназначенных для создания и охраны собственности» [цит. по: Орлова, 1994, 141]. Итак, наиболее характерным для викторианского общества становится модус обладания.

С другой стороны, представляется совершенно необходимым исследовать традиции повседневной культуры, сложившиеся и закрепившиеся именно в Викторианскую эпоху, но продолжающие действовать в современном западном обществе. Некоторые авторы (С. Минц, К. Робинс, Э. Хобсбаум) настойчиво подчеркивают, что многие современные традиции были изобретены в XIX в. и даже говорят о Викторианской эпохе как об «одном из величайших периодов для изобретения традиций», называя этот процесс «invention of tradition» или «mass-producing traditions» [см.: Hobsbaum, 1999, 61]. Они отражают массовые, эмпирически возникшие представления, пристрастия, моральные идеалы и недостатки викторианства, одновременно давая возможность увидеть глубинные пласты общественного сознания той эпохи.

К примеру, С. Минц в своем «Обзоре по истории частной жизни» пишет о том, что англичане Викторианской эпохи отличаются поразительной консервативностью и приверженностью к традициям [см.: Meantz, 2001]. Он рассматривает эту проблему в связи с распространением праздника Рождества. Каждая яркая эпоха оставляет после себя новые ритуалы и традиции, викторианство не является исключением. В 1644 г. празднование Рождества было запрещено по всей Англии специальным парламентским актом, так как новая протестантская церковь с большой силой обрушилась на все эти старые традиционные обычаи.

Уже в конце XVII в. Рождество вновь стали праздновать, но на протяжении XIX столетия сопровождавшие его обряды изменились, и к началу XX в. из большого социального события всей общины Рождество стало чисто семейным праздником. В Викторианскую эпоху Рождество превратилось в главный национальный праздник, а сама королева посылала тысячи открыток знакомым. В 1843 г. в типографии была напечатана первая рождественская открытка, а вскоре их изготовление стало особой отраслью полиграфического производства. Таким образом, с XIX в. вошло в обычай обмениваться поздравительными открытками вместо обязательных когда-то личных поздравлений с праздником.

За рождественским столом стали собираться родственники, непременно была индейка и подарки; на следующий день одаривали слуг. Так поддерживалось уважение к семейному очагу и укреплялось единство между разными поколениями. В результате появился единый респектабельный семейный праздник, который пришелся по душе средним классам, относившимся к семье с особым почтением и нуждавшимся в своих ритуалах. Таким образом, можно утверждать, что современное семейное Рождество не только почтенная традиция в религиозном значении, но и социокультурное явление, сложившееся в определенную историко-культурную эпоху.

Немаловажную часть ритуальной стороны викторианской культуры составляют традиции английского чаепития. Эта аккуратная деловая нация, склонная к спокойной размеренности быта, быстро обнаружила, что популярный напиток обладает еще одним замечательным свойством: с его помощью можно четко организовать и распланировать каждый день. Пожалуй, самым знаменитым творением королевы Виктории являются правила чаепития — «Tea Moralities». Эта энциклопедия чайного этикета подробно описывает, какие виды чая, сладких и несладких закусок, из какой посуды и в какой последовательности должны подаваться на стол, чтобы гость мог насладиться своим любимым чаем привычным образом.

Сэр Уильям Гладстон, известный своими афоризмами, подметил в свое время: «Если холодно, чай Вас согреет. Если Вам жарко, он Вас охладит. Если у Вас настроение подавленное — он Вас подбодрит, если возбуждены — успокоит» [цит. по: Алхазова, 1989, 123]. И поныне викторианские правила чаепития являются основой делового и дипломатического этикета и активно используются в современной рекламе чайной продукции ряда компаний.

Э. Хобсбаум утверждает, что не только традиционное Рождество, но и «Благодарение, День матери, Мемориальный день — все было продуктом Викторианской эпохи. 19-е столетие создало наше представление о традиционной семье, командном спорте, белой свадьбе. Многие викторианские традиции, сопровождающие траурные ритуалы, были широко распространены и в Америке, особенно в период Гражданской войны между Севером и Югом» [Хобсбаум, 1999, 267]. Анализ обрядов празднования Рождества, свадебных и траурных церемоний позволяет раскрыть в них складывание новых форм повседневной культуры викторианства.

Характеризуя повседневную культуру Великобритании XIX в., необходимо осмыслить формирование английскости как черты менталитета и национальной идентичности англичан. Исследование любой национальной культуры извне безусловно содержит ряд спорных моментов, может возникнуть вероятность не совсем адекватного понимания существенных черт исследуемой культуры. Однако многолетние традиции исследования проблемы национального характера в культурной антропологии позволяют достаточно объективно с научной точки зрения рассматривать проблему национальной идентичности и возникновение ряда ее характеристик именно в викторианскую эпоху.

Целостность культуры повседневности викторианства может быть описана термином *englishness*. *Englishness*, или проблема английскости и национальной идентичности, как необходимое качество ментального измерения развивается на протяжении XIX—XX вв. Существует несколько точек зрения на понятие «английскость» и его взаимосвязь с культурными процессами XIX в., а также противопоставление его понятию «британскость» (в частности, в работе Дж. Фаулза «Быть англичанином, а не британцем»).

Такие исследователи, как Р. Шеннон, Э. Сэйд, Ф. Додд, анализируют ее появление и распространение в процессах преобразования и восстановления английской идентичности начиная со второй половины XIX в., т. е. самого разгара Викторианской эпохи. Характеристика «английскость» тогда высоко ценилась в культуре: были «изобретены», сформированы культурные традиции и образцы в системе образования и в национальном театре, «правильном английском языке» (*standard English*), восприятии национальной истории и т. д. М. Арнольд в книге «Культура и анархия» (1869) утверждал, что для того, чтобы принадлежать к национальной жизни, необходимо было принадлежать к определенным английским институтам, таким как англиканская церковь и университеты Оксфорда — Кембриджа [см. об этом: Dodd, 1999, 94]. «Английский дух» был сферой не только политической культуры, но пронизывал институты и обычаи культурной политики с целью воссоздания классово-гендерной и национальной идентичности. Его распространение в различные группы, законные сферы деятельности и идентичность основных групп, их репертуар соответствующих действий, средства выражения и убеждения — все было предметом внимательного исследования, разрешения и контроля (в рамках национальной культуры и ее нужд).

Ф. Додд в статье «Английскость и национальная культура» рассматривает как власть господствующего варианта «английскости» в течение последних лет конца XIX — начала XX в. распространяется благодаря ее способности репрезентировать (представлять) себя другим и этих других — им самим. Отношение к «чужому», «другому», инонациональному становится важной составляющей «английскости». В эпоху правления Виктории, когда Британия владела четвертью земной суши, чувства отчужденности и даже предубежденности по отношению к иностранцам не исчезли, но даже укрепились как одно из следствий политики «блистательной изоляции». Жители Британских островов исторически тяготели к двум стереотипным представлениям: в иностранцах они привыкли видеть либо соперников, т. е. противников, которых надо победить или перехитрить, либо дикарей, которых надлежало усмирить и приобщить к цивилизации, т. е. сделать подданными британской короны. В обоих случаях викторианцы, взирая на мир с высоты имперского величия, проявляли одинаковое нежелание знакомиться с языком и образом жизни иностранцев, с которыми они вступали в контакт. Собственную культуру и образ жизни они воспринимали как «цивилизованность», а потому любое отклонение от собственного образа жизни означало для них сдвиг от цивилизации к варварству. На эту особенность культурной политики британцев XIX в. в отношении к колонизируемым странам и народам указывает С. В. Лурье [см.: Лурье, электрон. ресурс]. Стремление исследовать и «колонизировать» других привело к тому, что до сих пор сохраняется особое мнение о значении викторианской Англии для мировой истории. К. Робертс в своей «Всемирной истории» подчеркивает, что Великобритания, как никакая другая европейская нация, смогла настолько удачно «опутать» земной шар свои-

ми «побегами», что к концу XIX в. она создала англо-саксонский мир [Roberts, 1996, 614].

Будучи квинтэссенцией британского национального характера, «английскость» проявляется в двух ключевых фигурах той эпохи, одна из которых — реальное историческое лицо, сама королева Виктория, а вторая — образ английского джентльмена, который предстает практически в каждом произведении английской литературы XIX в. Художественная литература от Ч. Диккенса до П. Акройда предоставляет замечательный материал для иллюстрации процесса формирования понятия английскости как черты менталитета, трансформирующейся в устойчивость национальной идентичности и в повседневной жизни, и через конкретные культурные институты Викторианской эпохи.

Следует отметить, что каждая историческая эпоха формирует свои доминирующие модели поведения, но викторианство в этом отношении дает особенно интересные и специфичные примеры. Процесс формирования *Englishness* позволяет проследить происходившие изменения поведенческих норм, в том числе и гендерных ролей, не только на уровне повседневной культуры, но и в глубинных пластах культуры этой исторической эпохи.

В это время были заложены и основы этики, которые составили кодекс поведения «истинного» англичанина, подлинного «героя времени» викторианской культуры — джентльмена. Он представлял собой, в соответствии с теорией Кардинера, «базисный тип личности», который несет отпечаток основных ценностей культуры в формах своего мировосприятия, поведения и мышления, а «леди» была дополнением, своего рода женским двойником его по своему социальному положению, системе ценностей и нормам поведения.

Английский образ жизни акцентировал в «кодексе джентльмена» нормы подобающего поведения. Характер и манеры истинного джентльмена представлены образами романов таких викторианских авторов, как Треллоуп, Браунинг, Гаскелл, Мередит и др. Викторианский джентльмен прославился благодаря своим высоким нравственным качествам: был законопослушным, прекрасным семьянином, уважал порядок, его дом — крепость (и никому не должно быть дела до того, какие бури бушуют за ее стенами), он всеми почитаемый член общества, ратующий о благе бедняков, блюститель нравственности и гонитель порока. Джентльмен почти никогда не причиняет боли и страданий, а, напротив, занят устранением препятствий, которые мешают свободному и непринужденному общению, согласовывая свои поступки с действиями и словами остальных людей. Общение с ним предельно комфортно и удобно для окружающих. Истинный джентльмен тщательно избегает всего того, что может стать причиной столкновения во мнениях, чувствах, вызвать подозрение или сомнение, предотвращает нежелательные намеки. В любых обстоятельствах он должен был демонстрировать личное душевное мужество и самообладание, тяжелый труд служения

обществу, лояльность и верность, учтивость. Большое значение также придавалось подавлению своих чувств, здравому смыслу и отсутствию воображения, что порой делало общение с ним скучным и даже утомительным в силу того, что ему было трудно выразить глубину своих чувств.

Чтобы вести себя должным образом, человек должен был хорошо знать как касающиеся его правила, так и свои права. Все следовало принципам честной игры, а всякий, кто пытался нарушить их незыблемость, неизменно вызывал осуждение. Понятие «честная игра» (испанский исследователь С. Мадариага в начале XX в. назовет его доминирующим принципом жизни англичан) как важнейший нравственный принцип, мерило порядочности формировалось в публичных школах, которые играли огромную роль в процессе социализации индивида, а более широко — в формировании национального характера. В своем нынешнем виде они сложились в самом начале Викторианской эпохи — со времени тех новшеств, которые ввел доктор Томас Арнольд, возглавивший публичную Школу регби в 1827 г. Если в средневековых школах упор делался на совершенствовании духа, а важнейшим рычагом для этого служила религия, то Т. Арнольд поставил во главу угла формирование характера, используя для этого такой новый рычаг, как спорт. Во-первых, моральные принципы, во-вторых, джентльменское поведение и, наконец, в-третьих, умственные способности — в таком своеобразном порядке перечислял он воспитательные цели публичной школы. Спортивные состязания в их современном виде возникли в течение этого периода по символическим причинам — как способ демонстрации мужчинами своей мужественности.

Эти реформы отражали новые потребности, порожденные ростом империи. Подобная концепция общественной морали позволяла сочетать в английском национальном характере, с одной стороны, законопослушность, а с другой — индивидуализм. Викторианский образ жизни обладал способностью рождать индивидуалистов, которые не бросали вызова общепринятому порядку, но предпочитали отличаться от других людей какими-то специфическими склонностями или безвредными странностями. Эта эксцентричность свидетельствовала о том, что, делая упор на незыблемых правилах поведения, английское общество оставляло некоторую отдушину и для индивидуализма. В целом, следует отметить, что инстинктивные, импульсивные формы поведения расценивались как патология или болезнь, к которым викторианское общество было весьма нетерпимым.

Телесное существование человека — неотъемлемая сторона повседневности. Данный аспект анализа культуры тоже, как правило, не учитывается в тех случаях, когда культура понимается в качестве самоценной духовности, как бы отрицающей и преодолевающей плоть. Однако осознание, познание и обуздание своей телесности — важнейшие моменты развития культуры и одна из наиболее острых проблем в сложном комплексе социокультурных проявлений викторианства. Анализируя литературные, антропологические, психологические исследования в этой области, в част-

ности работу британских исследователей культуры П. Сталибрасса и А. Уайта «Политика и поэтика нарушения», работы М. Мид, Р. Тэннехилла, М. Дуглас, можно представить, как викторианство формирует свои каноны человеческого поведения, устанавливая четкие границы между нормой и патологией человеческого существования, подчеркивая символические принципы и ценности запретами и разрешениями. Воспользуемся понятием «социальное тело», которое вводит в научный оборот известный культурный антрополог М. Дуглас. Оно включает разделяемые коллективные представления о том, в чем нуждается «тело», о сторонах в развитии, которое оно должно проходить, о боли, которую оно в состоянии выносить, а также все те культурные категории, в которых оно воспринимается и которые разлиты в общественном сознании как должное. Викторианская культура подразумевает весьма специфическое «социальное тело» в истории культуры, когда телесность и чувственность были предметом прямой культурной регуляции в крайнем виде, вплоть до жестоких гонений. Мужчины и женщины обязаны были забыть, что у них есть тело. Единственными участками поверхности тела, которые разрешалось открывать в доме, были кисти рук и лицо. Вышедший на улицу мужчина без высокого стоячего воротничка и галстука, женщина без перчаток считались практически обнаженными. Непосредственные импульсы должны были сдерживаться запретами, которые выполняли необходимую социальную функцию: они отделяли высший и средний классы от социальных низов. Однако результатом их введения стало максимальное дистанцирование людей от их телесности и ее проявлений.

По мнению Р. Тэннехилла, викторианское ханжество приводило к высокой женской смертности, потому что все врачи в те времена были мужчинами. Считалось, что заболевшей женщине достойнее умереть, чем позволить врачу-мужчине произвести над ней «постыдные» медицинские манипуляции. Известны описания врачебных кабинетов, оборудованных глухими ширмами с отверстием для одной руки, дабы медик мог пощупать пульс или коснуться лба пациентки для определения жара. Единственное исключение делалось в случае тяжелых родов. Беременная женщина являла собой зрелище, весьма оскорблявшее викторианскую общественную нравственность. Она запиралась в четырех стенах, скрывала «позор» от себя самой с помощью платья особого покроя. В разговоре ни в коем случае нельзя было сказать о женщине, ждущей ребенка, что она *pregnant* («беременна»), только — *in interesting situation* или *in happy waiting* («в интересном положении» или «в счастливом ожидании») [см. об этом: Тэннехилл, 1999]. Лишь сюжеты из античности в искусстве позволяли известным, признанным в обществе живописцам несколько расширить границы столь пуританского отношения к человеческому телу, преодолеть проблему внешней закрытости, обязательной для викторианского «социального тела».

В исследовании викторианского образа жизни особое внимание вызывает гендерная проблематика (анализ гендерной идентичности, дифференциация

ции и стратификации, которая приводит к изменениям в социальной стратификации). В это время именно в Великобритании зарождается феминистское движение, а женский образ жизни становится одной из наиболее острых проблем той эпохи, которая к тому же привела к значительным социокультурным изменениям в XX в. Проблемы женских ценностей и женщины как ценности (а также ее девальвации, т. е. обесценивания) в XIX в. рассмотрены в рамках феминистского проекта в антропологии такими авторами, как О. А. Вайнштейн, М. Мид, Н. В. Новикова, Ш. Ортнер, Г. Рубин, Р. Тэннехилл, Э. Хобсбаум, Дж. Фаулз, К. Хьюитт.

В этой связи парадоксально мышление самой Виктории, отражающее общую тенденцию эпохи: активно участвуя в чисто мужской сфере деятельности — управлении государством, не принимая в этом советы даже близких родственников (что подчеркивается в ее биографиях), она всячески противится женскому движению (суфражизму), которое появилось и развивалось во время ее правления. По ее мнению, требование женских прав являлось «преступным безрассудством; более того, она советовала “сечь” женщин, которые добивались равноправия, ибо Бог создал мужчину и женщину различными, и каждый из них должен оставаться в собственном положении» [Стрэчи, 1999, 338].

Как утверждает С. Минц, именно в Викторианскую эпоху женщины среднего класса стали считать материнство и домашнее хозяйство наиболее достойным призванием. «И, соответственно, в середине XIX столетия появляется та семья, которую мы называем традиционной. Тогда же появилась современная домашняя архитектура с акцентом на личную жизнь. Это стало возможным только тогда, когда в домах появились прихожие и отдельные спальни» [Meantz, electronic resource]. Понятие «дом в викторианском стиле» активно используется в современном английском рекламном дискурсе: обладание таким домом выражает следование традиционным семейным ценностям, подчеркивает высокий социальный статус его владельца и определенные черты его личности: жизненный успех и консерватизм [см.: Кочетова, 1999].

Это необычайно емкое по смыслу понятие — «дом» — как раз и выражает соединение вечных ценностей и мира повседневности. Дом как материальная реальность и символическое воплощение семейных ценностей приобретает особое значение в Викторианскую эпоху на всех уровнях общества. Важно было, и как люди строили свои дома, и как располагали их относительно друг друга. Многочисленные и подробные описания домов, их обстановки (так же, как и костюмы, украшения) являются важной характеристикой героев, их нравов и обычаев, их идеалов и проблем в романах писателей-викторианцев — Диккенса, Теккерея, Голсуорси и др.

Традиционная концепция женственности, разработанная во второй половине XIX в., подразумевала, что женщина должна быть своего рода собственностью мужчины, служить украшением его дома, быть «ангелом в доме» — эта метафора из стихотворения Ф. Патмора была широко рас-

пространена в Викторианскую эпоху. Вместе с тем отношение к женщине как к «леди» подразумевало рыцарское поведение, которое было закреплено в кодексе викторианского джентльмена. Женщине категорически запрещалось работать, что значительно подавляло многие способности женщин, в том числе и интеллектуальные. Если же она испытывала материальные затруднения, то ее должны были поддерживать другие члены общества. Она сама могла ничего не делать для этого, за исключением того, чтобы принимать с благодарностью то, что ей предлагалось. В каждом викторианском романе обязательно присутствовала благодарная и благородная по происхождению бедная родственница.

К. Хьюитт подчеркивает, что единственной альтернативой для женщины была роль гувернантки, но это в большинстве случаев означало, что впредь женщина будет исключена из социальной жизни: гувернантка обычно не могла проводить свое свободное время вместе с семьей, в которой она работала, но из-за своего положения не могла общаться наравне и со слугами. Это «пограничное» положение приводило к социальной изоляции, выдержать которую было достаточно сложно. Одиночество и соответствующий страх перед такой судьбой, своего рода общественным заточением, были настолько сильны, что девушки предпочитали уехать за границу (отсюда, кстати, множество английских гувернанток в России) [Hewitt, 1997].

Несмотря на неравное положение женщин, «английскость» является неотъемлемой характеристикой и для леди. Главные ценностные ориентации в повседневной нравственной культуре женщин средних классов — это искренность, естественность, скромность. Не презирая никого открыто, она должна была чувствовать нежную жалость к неудачливому человеку, или более низшему по своему положению, или к «неосведомленному». В то же самое время она несла в себе невинность и добросердечность, которые разоружали недоброжелательность и приносили ей всеобщее уважение и любовь. Манеры истинной леди на улице регламентируются рамками викторианской повседневной культуры достаточно строго: как и в доме, она скромна, осторожна, добра и требует соответствующего обращения. Она всегда несет с собой благоприятную атмосферу, которая привлекает всех и делает общение с ней непринужденным.

Одним из важных компонентов образа джентльмена является его отношение к женщине. Женщина не является главным предметом забот джентльмена. Он обращает на нее внимание лишь тогда, когда ему необходимо жениться, составить во всех отношениях хорошую партию, причем финансовый вопрос здесь далеко не всегда выходит на первое место. Главными ценностями в женщине для него являлись добродетель, невинность, покорность, мягкость, нежность, благородство. Красота женщины в этом списке следует последним пунктом. Для него женщина — всего лишь крепкий тыл, который обеспечит ему отдых в спокойной, уютной обстановке от опасностей и грязи публичной жизни. Таким образом, женщина и жена для джентльмена явля-

ются синонимами. Любовь его спокойна и дружественна, благородна и обещает защиту. Он готов вступить за честь девушки, если добродетель ее доказана. Леди сопровождала джентльмена на выездах, принимала в его доме друзей, поддерживая его репутацию, рожала ему детей, читала для него книги и газеты, занималась благотворительностью, выполняя его обязательства, на которые ему просто не хватало времени, т. е. она полностью жила его жизнью и для него. Ради такой женщины джентльмен готов на многое, но не на все: на все он готов лишь ради своей карьеры или чтобы угодить другому джентльмену.

Таким образом, джентльмен свои отношения с женщиной кодифицировал в рамках законной любви и брака. Однако считается, что наименьших успехов викторианство достигло как раз в этике отношений полов и семейной жизни: по статистике в 1830—1870 гг. около 40 % англичанок всю жизнь оставались незамужними. Причиной была не нехватка лиц мужского пола, а противоестественная система моральных условностей, создававшая тупиковые ситуации для тех, кто хотел устроить личную жизнь. Понятие мезальянса в викторианской Англии было доведено до абсурда. Кто кому пара и не пара, ровня и неровня — решалось на уровне сложной алгебраической задачи с множеством переменных. Открытые проявления симпатии между мужчиной и женщиной категорически запрещались. Слово «любовь» табуировалось полностью. Пределом откровенности в объяснениях был пароль «Могу ли я надеяться?» с отзывом «Я должна подумать». Ухаживания состояли из ритуальных бесед и символических жестов; к примеру, знаком приязни было милостивое позволение молодому человеку нести молитвенник юной леди по возвращении с воскресной службы. Девушка, на минуту оставшаяся в помещении наедине с мужчиной, не имевшем по отношению к ней официально объявленных намерений, считалась скомпрометированной.

Своеобразие викторианской культуры повседневности определяло в свою очередь и правила этикета, которые строго фиксировали границы допустимого, в том числе и в отношениях между полами даже в семейных парах. Не будет преувеличением отметить, что, на наш взгляд, они имели глубоко специфичный характер. Приведем несколько примеров. Супругам при посторонних рекомендовалось обращаться друг к другу официально (мистер такой-то, миссис такая-то), дабы нравственность окружающих не страдала от интимной игривости тона. Верхом неприличия и развязности считалась попытка заговорить с незнакомым человеком.

Этикет обеда был регламентирован в Викторианскую эпоху в крайней степени. «Английскость» манер истинного джентльмена проявлялась в его поведении за столом. Мужчина мог хорошо одеваться и правильно вести разговор; но подлинное благородство его манер неизменно обнаруживалось во время обеда. Необходимо было знать ряд частных правил, которые подчеркивали особенности этикета настоящих леди и джентльменов. На-

пример: в застолье соблюдался обычай так называемого *segregation of sexes* («разделение полов»): по окончании трапезы женщины вставали и удалялись, мужчины оставались выкурить сигару, пропустить стаканчик портвейна и потолковать. В довоенной Англии, по шутливому замечанию авторов монографии об английском «среднем классе», можно было, по крайней мере, определить «средний класс» как совокупность людей, пользующихся кольцами для салфеток, ибо «высшие классы» меняли салфетки после каждого приема пищи, а пролетариат вовсе ими не пользовался [см.: Lewis, Maud, 1950].

Трагикомедия викторианства состояла в том, что положенные в его основу благородные соображения о достоинстве, приличиях и неприличиях сделались самодовлеющими, выродились в мелочную регламентацию. За 64 года пребывания на троне королева превратила могущественную Британскую империю в единый дом образцовой добропорядочности. Невозможно было найти область жизни леди и джентльмена, к которой она не приложила бы свою руку. Все это тем более любопытно, что до воцарения королевы Виктории английское общество отнюдь не отличалось чрезмерной строгостью нравов и чопорностью в поведении. Хотя, как подчеркивает Ф. Додд, представления о викторианской Англии XIX в. как о стране строгой морали и сплошных запретов по меньшей мере сильно преувеличены. Подобные традиции распространялись исключительно на средний и высший классы общества. В высшем из высших классов — в среде титулованной аристократии — викторианские нравы служили предметом пошлости, а следование им нередко облекалось в шутовскую форму. Для простого рабочего люда — крестьян, фабричных рабочих, моряков, солдат и сержантов армии, мелких торговцев — суровые викторианские правила также не существовали. Викторианский уклад внедрялся в английское общество до уровня нижних слоев среднего класса. Над неписаными страницами викторианского кодекса социального поведения следовало бы обнажить голову, ибо он являл собой декларацию всех мыслимых человеческих и христианских добродетелей. И надо отметить, что тип джентльмена оставался исключительно популярным и в XX в., так как это понятие можно применить по отношению ко многим мужчинам, чье поведение и этические ценности соответствуют этому понятию.

Таким образом, устойчивая типологическая определенность и специфика викторианской культуры складывается через культуру повседневности. Основные черты мира повседневности — устойчивость, повторяемость, консервативность, неизбежность появления стандарта и стереотипности. Они действительно могут стать губительными для подлинной культуры, вытеснив высокую духовность скукой и суетой. Если культуру понимать как поле ценностно-жизненных ориентаций, то викторианское общество из множества смыслов, предлагаемых переходным временем, выбрало тот, который в наибольшей степени отвечал духу самосохранения и чувственным потребное-

тям человека. Обращение к исследованию повседневной культуры викторианства позволяет, с одной стороны, объединить многочисленные историко-культурные подробности в целостную картину эпохи; с другой стороны, осмысление феномена викторианства может дать новые представления о процессе развития повседневной культуры в целом, определяющие состояние западной (английской и отчасти американской) культуры на рубеже XX—XXI вв.

Алхазова Н. Д., Кройтореску Л. Н. В Королевстве, где говорят по-английски: обычаи, традиции, праздники. Кишинев, 1989.

Кочетова Л. А. Лингвокультурные характеристики английского рекламного дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.

Лурье С. В. Империя британцев [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://ethnopsychology.narod.ru/svlourie/articles/britania.htm>.

Марков Б. В. Философская антропология: очерки истории и теории. СПб., 1997.

Орлова Э. А. Введение в социальную и культурную антропологию. М., 1994.

Пантин В., Лапкин В. Ценностные ориентации россиян в 90-е годы. М., 2001.

Стрэчи Л. Королева Виктория. Ростов н/Д, 1999.

Тэннехилл Р. Секс в истории: девятнадцатый век [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.follow.ru/article/306/3>.

Хобсбаум Э. Век империи, 1875—1914. Ростов н/Д, 1999.

Dodd F. Englishness and the national culture // *Representing the Nation: A Reader. Histories, heritage and museums* / Ed. by David Boswell and Jessica Evans. Routledge; L.; N. Y., 1999. P. 87—103.

Duncan C. From the Princely gallery to the public art museum: the Louvre Museum and the National Gallery, London // *Ibid.* P. 315—326.

Hewitt K. Understanding English literature. Perspective Publications, 1997.

Hobsbaum E. Mass-producing traditions: Europe, 1870—1914 // *Representing the Nation: A Reader. Histories, heritage and museums* / Ed. by David Boswell and Jessica Evans. Routledge; L.; N. Y., 1999. P. 61—69.

Lewis R., Maud A. The English middle classes. L., 1950.

Meantz S. The History of Private Life: An Overview [Electronic resource]. [Http://www.digitalhistory.uh.edu/historyonline/private_life.cfm](http://www.digitalhistory.uh.edu/historyonline/private_life.cfm).

Schaffer S. Accurate measurement is an English science // *The Values of Precision* / Ed. by M. Norton Wise. Princeton, N. Y., 1995. P. 135—172.